

ОНТОЛОГИЯ РАЗРЫВА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ
ФИЛОСОФИИ С. ЖИЖЕКА

Е. А. Зброжек

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 15 сентября 2012 г.

Аннотация: *Славой Жижек – самая популярная и, пожалуй, самая неизученная фигура современной философии. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что в его текстах практически невозможно найти конечных выводов и утверждений, его мысль непрерывно ускользает. Однако, как мы попытались показать в данной работе, существует идея, вокруг которой структурируется большинство рассуждений Жижека и которая является центральной для его онтологии. Это – идея разрыва. В представленной статье мы раскрыли, как через идею о реальной виртуальности Жижек приходит к утверждению о том, что в самом центре нашей реальности лежит разрыв, и как эту же идею он применяет для построения своих концепций субъекта и Бога.*

Ключевые слова: *разрыв, антагонизм, воображаемая виртуальность, символическая виртуальность, реальная виртуальность, «децентрализация» субъекта, нехватка, Божественное бессилие.*

Abstract: *Slavoj Zizek is the most popular and perhaps the most unexplored figure of modern philosophy. In our view, this is largely due to the fact that in his texts it is almost impossible to find the final conclusions and assertions, his thought is continually slipping. However, as we have tried to show in this paper, there is an idea, which structured the most of Zizek's arguments and which is central to his ontology. And this is the idea of a gap. We have reconstructed, as through the idea of a real virtuality Zizek comes to the assertion that, in the center of our reality there is a gap. And so the same idea has been applied to build his concepts of the subject and God.*

Key words: *gap, antagonism, imaginary virtuality, asymbolic virtuality, real virtuality, «decentralization» of the subject, lack, impotence of God.*

С. Жижек – уникальная и в то же время симптоматичная фигура современной философии. Это, пожалуй, единственный философ, который достиг невероятной популярности в мире за пределами узкого философского сообщества. Недавний приезд Жижека в Москву очень красноречиво это подтверждает. Словенский философ по-прежнему собирает полные залы. Это при том, что говорит он о достаточно сложных вещах, ссылаясь на такие не простые для понимания фигуры, как Гегель и Лакан. Тем не менее его с неослабевающим вниманием слушают. Однако если через некоторое время после лекции спросить слушателей, о чем же все-таки было выступление Жижека, мало кто из них сможет дать полный и структурированный ответ.

Логика построения рассуждений философа отличается той характерной особенностью, что в его текстах практически невозможно найти конечных выводов и утверждений. Как только нам кажется, что мысль автора, наконец-то, зафиксировалась на чем-то, он тут же перескакивает на другое или же вскрывает возможность противоположного прочтения своего первого утверждения. Такой метод рассуждения – один из главных пунктов критики трудов Жижека. Он создает иллюзию, что его тексты – это просто набор бесконечных отсылок, бесконечные попытки чтения Гегеля через Лакана, Маркса через Гегеля и т.д., а он сам – не более, чем шоумен. На такой стиль изложения взглядов, несомненно, повлияла популярность Жижека как публичной фигуры. Его философия всегда медийна, всегда обращена к огромной разношерстной аудитории, всегда вырвана из узкой среды профессиональных читателей. Именно поэтому философия Жижека пытается остро отреагировать на злободневные проблемы современности, именно поэтому она насыщена анекдотами, воспоминаниями из прошлого и интеллектуальными парадоксами.

Конечно, все названное выше затрудняет работу по исследованию философии Жижека. Но это не означает, что бесконечное движение мысли словенского философа – это лишь сотрясение воздуха, не приводящее ни к каким результатам. Как и у всякого философа, да и вообще как у всякого человека, у него есть «точки пристежки» («pointdecapiton»), на которых держится вечно ускользающая цепь его рассуждений.

Такой «точкой пристежки», центральной для всех его рассуждений, является идея разрыва. Именно разрыв обеспечивает возможность того, что Жижек называет паралаксным видением, т.е. видением, которое обеспечивает изменение положения предмета вследствие изменения взгляда наблюдателя. Онтология разрыва означает, что наша реальность неоднородна, что в центре ее уже всегда лежит раскол. Этот тезис Жижек почерпнул из книги Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф «Гегемония и социальная стратегия»: социальное содержит в себе некий основополагающий разрыв, антагонизм, который не может быть разрешен. Данный тезис, несомненно, отсылает нас к идее Маркса об изначальности антагонизма и классовой борьбы в социальном теле.

Однако, вводя в свои рассуждения идею о разрыве, Жижек не сводит ее к социальным построениям Маркса, а иллюстрирует на примере современных реалий. В результате основной трансформации, произошедшей с нашей реальностью сегодня, эта реальность во многом стала виртуальной. Но истинно философской проблемой в данной области, по мнению Жижека, оказывается не виртуальная реальность, а реальность виртуального. «Идея виртуальной реальности банальна. Она предполагает утверждение: “Посмотри, что я могу сделать, используя наши технические возможности и что в итоге, мы в это верим, станет нашей реальностью”». По моему мнению, намного интереснее для осмысления реальность виртуального. Виртуальность – это очень конкретная вещь. Но в то же время в целом это ничто. Это, если хотите, особый эффект реального. И именно здесь лежит настоящая проблема» [6, р. 54].

В своем выступлении «Реальность виртуального» 11 декабря 2003 г. в Лондоне [2] Жижек выделил три вида виртуальности, которые производят эффект в нашей реальности: воображаемая, символическая и реальная (в типологии, конечно же, видна аллюзия на лакановскую триаду «символическое – воображаемое – реальное»). Воображаемая виртуальность – это «воображаемый образ, который определяет то, как мы взаимодействуем с другими людьми» [2]. Другой человек для нас загадка. Да и современное общество под своим лозунгом толерантности и боязни сексуального домогательства постоянно остерегает нас: «Не подходите слишком близко, иначе я подам на вас в суд». Мы готовы быть толерантными, только если другие будут находиться на безопасном расстоянии. Из всего этого следует, что мы никогда не знаем до конца (не способны в принципе познать) другого человека. Но для того, чтобы наша социальная интеракция с другими людьми была успешной, надо вести себя так, как будто мы их знаем, но как минимум должны точно знать, что они рациональны и способны на коммуникацию; мы должны предполагать, как они отреагируют на наши высказывания, действия и т.д. Таким образом, в социальном взаимодействии мы никогда не взаимодействуем с реальными людьми, а только с воображаемым образом, составленным на основании того, что я знаю об этом человеке. Однако этот образ реален в том смысле, что он структурирует мой способ общения с другими людьми.

Символическая виртуальность – воображаемый образ, который структурирует наш символический порядок. Как правило, он связан с фигурой Отца.

Реальная виртуальность – самый проблематичный регистр виртуальности. Но именно он и задает для нас онтологию разрыва. Наше символическое поле уже изначально искривлено и, чтобы объяснить это, нам и нужна отсылка к некому Реальному в лакановской трактовке этого понятия. «Для Лакана Реальное – это “отклонение”, черная дыра, распознаваемая только благодаря своему эффекту, только благодаря тому, что она искривляет психическое пространство, изгибает линию психических процессов. Реальное – это не Вещь, а разрыв, который лежит на нашем пути к ней, «скала» антагонизма, которая искажает наше видение воспринимаемого объекта, создавая частную, пристрастную перспективу» [1, с. 131]. Реальное – это эффект, искривляющий наше символическое пространство. Это то, что мы можем обнаружить во фрейдовской теории травмы, когда травмирующее событие задается задним числом, в теории относительности, в которой материя становится не причиной искривления пространства, а его следствием, в антисемитских построениях, когда фигура еврея выступает ширмой, скрывающей реальное социальное антагонизма. Реальная виртуальность, обнаруживающаяся в столь различных областях, дает Жижеку возможность констатировать первоначальность разрыва. Травматическое антагонистическое Реальное, искривляющее наши символические координаты, лежит в центре нашей социальной реальности.

Онтология разрыва задает и вектор рассуждений Жижека о других важных философских проблемах, в частности о субъекте и о Боге. В современной европейской философии, на которую опирается философ (и в первую очередь, конечно, в традиции, тесно связанной с психоанализом), рассмотрение проблематики субъективности происходит в русле представлений о субъекте (при этом термин «субъект» всегда тождествен термину «индивид») как о фрагментарном, разорванном, лишенном целостности. Онтология разрыва Жижека прекрасно вписывается в контекст этих рассуждений. Субъект изначально уже разорван, расколот. Что же задает в субъекте этот разрыв?

Во-первых, идентичность субъекта возникает только на уровне фантазии, объекта желания Другого, как ответ на вопрос: «Что ты хочешь?». Идентичность субъекта оказывается возможной только как «отчужденная идентичность», поскольку первоначально задается на стадии Зеркала под взглядом Другого. В зеркале ребенок обнаруживает не только себя, он обнаруживает то я, на которое смотрит Другой. И свои первичные желания и стремления он переносит на этого Другого и видит в зеркале уже то, что хотят увидеть Другие. Таким образом, субъект оказывается расщепленным, он включает в себя и то Я, которое смотрит, и то Я, на которое смотрят. Субъект может состояться, только оказавшись в воображаемом, перенеся свои желания на Другого, признав себя как того, на кого смотрит Другой.

Во-вторых, «децентрализация» субъекта задается наслаждением. С одной стороны, субъект бесконечно стремится к наслаждению. С другой – объект-причина нашего желания, то, что Лакан называл «objectpetit a», травмирующая Вещь-наслаждение, – это то, что субъект никогда не может впустить, интегрировать, принять в себя. Желание вводит в субъект эту точку невозможности. Но, следуя за парадоксальностью мысли Жижека, мы можем констатировать, что субъект как раз только и может существовать, стремясь этой точке невозможного. Только из этой точки невозможного можно решить самую актуальную на сегодняшний день проблему философии – проблему сознания. «А что, если вместо концентрации внимания на том, что возможно при наличии сознания, мы изменим сферу вопроса и спросим: какова характерная черта невозможности сознания? А сознание в его нулевой точке разве не равно провалу сознания – при столкновении со стеной радикальной невозможности?» [5, с. 24].

От рассуждений об индивидуальном субъекте перейдем к субъекту абсолютному, к Богу. И здесь идея разрыва превосходно работает. Главное, что пытается обнаружить Жижек в Боге, – это тот самый разрыв, перверсивное ядро. Именно это перверсивное ядро и позволяет нам любить Бога. Как подчеркивает Лакан, любовь – это всегда любовь к Другому, поскольку этот Другой испытывает нехватку. Иными словами, мы любим Другого из-за его ограниченности, нехватки. Мы любим Бога из-за нехватки, разрыва внутри его. «В отличие от языческого восхваления

божественного, тайна христианской любви заключается в том, что речь идет о любви к несовершенному Другому [4, с. 163]. И именно это из христианского наследия и стоит сохранить.

Что же такое этот разрыв? Этот разрыв задается пропастью между Христом и Богом-Отцом. Если бы Бог был един, то Христос был бы в той же мере Богом. Он был бы столь же всемогущ и всеведущ. Но если это было бы так, то что бы означали все его крестные муки? Умирая на кресте, знал ли Иисус о грядущем воскрешении? Из текста Писания следует, что знал, поскольку он говорил своим ученикам, что воскреснет через три дня. Но если это так, то получается, что «все это было игрой, божественной комедией высшего сорта и Христос разыграл отчаяние, когда говорил: «Боже мой! Боже мой!! Для чего ты меня оставил!» [1, с. 178]. Не логичнее ли было бы предположить, что в этот миг божественность Христа исчезла? Бог-Отец сузил возможности и познание Христа до чисто человеческих, чтобы тот думал, что действительно умирает. Это становится возможным, поскольку «бог полностью совпадает с разрывом между богом и человеком, бог есть этот разрыв – таков Христос, не бог потусторонней жизни, отделенный от человека неким разрывом, но сам разрыв как таковой, отделяющий бога от бога, а человека от человека» [1, с. 42], поскольку получается, что Христос не совсем бог и не совсем человек.

Сцена смерти Христа и роковой призыв к Отцу, кроме того, открыла страшную тайну христианства, обнаружив в Боге нехватку. «Слова Христа: “Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставил?!” – это не жалоба Всемогущему Богу-Отцу, чьи пути неисповедимы для нас смертных, это жалоба, в которой сокрыт намек на Бессильного Бога: как будто ребенок, уверовавший во всесильность отца, с ужасом выясняет, что отец не может ему помочь» [1, с. 220–221].

Впрочем, данное открытие не было открытием только лишь христианства. Как пишет Жижек, задолго до христианства эту страшную тайну открыли иудеи. Страдания Иова очень красноречиво показывают, что «Бог не то чтобы справедлив или не справедлив, он просто беспомощен. Иов внезапно понял, что это не он, а сам Бог подвергается испытаниям через несчастья Иова, и он позорно не выдержал испытания» [1, с. 222]. Иными словами, иудеи первыми столкнулись с ужасом Божественного бессилия. Эту тайну они передали христианству. Христианство стало логическим продолжением иудаизма, доведя его открытие до вытекающего из него утверждения: «Бог есть любовь». Бог – любовь, поскольку в нем самом раскол и нехватка. Таким образом, мы видим, как идея разрыва работает и в рассуждениях о религии.

Конечно, только представленной темой философские взгляды С. Жижека не ограничиваются. Это очень разнообразный и многоаспектный автор. Кажется, что нет тем, которые бы он не затронул тем или иным способом. Но все-таки, как мы пытались показать в данной статье, идею разрыва можно рассматривать как образующую во всех его философских

построениях, поскольку она является центральной для его онтологии. Именно она позволяет структурировать порой кажущийся хаотичным поток рассуждений Жижека.

Литература

1. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом / С. Жижек. – М. : Европа, 2009. – 334 с.
2. Жижек С. Реальность виртуального : выступление 11 декабря 2003 г. в Лондоне. / С. Жижек. – Режим доступа : http://www.youtube.com/watch?v=JKu_WUgyu3Y
3. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек. – М. : Европа, 2008. – 511 с.
4. Жижек С. Хрупкий Абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие / С. Жижек. – М. : Худ. журнал, 2003. – 178 с.
5. Жижек С. Чума фантазий / С. Жижек. – Харьков : Гуманит. центр, 2012. – 388 с.
6. Badiou A. Philosophy in the Present / A. Badiou, S. Zizek. – Cambridge : Polity Press, 2009. – 104 p.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Зброжек Е. А., аспирант кафедры истории зарубежной философии
E-mail: czechhome.ru@mail.ru
Tel.: 8-905-741-83-64*

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

*Zbrozhek E. A., Post-graduate Student of the Department of Foreign Philosophy
E-mail: czechhome.ru@mail.ru
Tel.: 8-905-741-83-64*